Абрамзон Татьяна Евгеньевна¹
*Магнийшогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра языкознания и литературоведения*

Рудакова Светлана Викторовна
*Магнийшогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра языкознания и литературоведения*

ПРОБЛЕМА ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА (А.А. АХМАТОВА И СЕРБСКИЕ ПОЭТЫ)

В статье исследуется проблема художественного перевода, рассмотренного как средство межкультурного диалога, способного сблизить разные народы, сравниваются взгляды поэтов и ученых (прежде всего XIX и XX веков), занимавшихся вопросами перевода поэтических текстов. Предлагается объяснение противостояния позиций двух групп исследователей, с одной стороны, признающих возможность поэтического перевода, а с другой – не верящих в это. В статье осмысливается разность подходов к переводческой деятельности, выявляются основные принципы, которыми руководствуются в своей практике поэты-переводчики. Рассматривается вопрос о русско-сербских и сербско-русских поэтических переводах. Подчеркивается все возрастающий интерес с российской стороны к творчеству сербских лириков. Обозначен основной круг русско-сербских и сербско-русских переводчиков, охарактеризовано место А. А. Ахматовой в этом ряду. В данном ракурсе рассмотрен вопрос относительно неоднозначного отношения самой Ахматовой к собственной переводческой деятельности. Исследована поэтика перевода Ахматовой произведения сербского эпоса „Хасанагиница“, выявлено, что сближает и что отличает текст Ахматовой от переложения сербского эпоса, что создано было А. С. Пушкиным, и перевода эпоса сербского народа, что был выполнен Н. А. Заболоцким. Рассмотрены особенности переводов Ахматовой стихотворений Десанки Максимович. Выявлена особенная близость Ахматовой художественных образов, интонаций Д. Максимович, которую нередко называли сербской Ахматовой.

Ключевые слова: поэтический перевод, Ахматова-переводчик, Сербия, „Хасанагиница“, Десанка Максимович, поэтика перевода.

¹ ate71@mail.ru

1. Проблема поэтического перевода

Проблема перевода в современном многоязычном мире с разнообразными культурами сохраняет свою актуальность. Несмотря на то, что в сфере международных отношений и деловой коммуникации активно используется английский язык, национальные литературы создаются на языке своего народа. И потому по-прежнему велико значение хорошего художественного перевода, способного создать мост между разными культурами, сблизить народы, помочь им в процессе такого культурного диалога лучше понять друг друга и взаимообогащаться. При этом самым сложным был и остается перевод поэтический. Лирика – мир загадочный, здесь царит ассоциативно-метафорическая образность, отличающаяся смысловой многомерностью. Потому и анализировать, и переводить поэзию оказывается делом архисложным. От переводчика требуется не только хорошее знание языка, культуры, истории, обрядовой стороны жизни как своего народа, так и того, произведения автора которого он собирается переводить; он должен понимать специфику национального характера и своеобразие ментальной картины мира народа, к творчеству поэта которого он решает обратиться. Кроме того, переводчик должен знать, а также чувствовать особенности индивидуального мира поэта, чтобы угадать и правильно передать своему читателю те художественные образы и мысли, что были представлены в исходном тексте. Как верно заметил А. Базилевский: „Переводчик поэзии не толмач, не бесстрастный транслятор: он перелагает, пересказывает, «перепевает» (сказали бы сербы) иной образный мир на язык своей души” (Bazilevsky 2015: 53). Поэт работает скорее не с эмпирическим, а почти мистическим материалом, проникая в сферу духа, сознания, заглядывая в суть вещей явлений, жизни, интуитивно постигая тайны мироздания, прозревая до многих истин человеческого бытия. Но откровения тайн – состояние неустойчивое, загадки, если и отрываются, спешат поскорее исчезнуть, заставив человека столкнуться с еще большей тайной. Путь, что проходит поэт, создавая свои творения, должен быть в той или иной форме пройден и переводчиком, чтобы он сумел уловить не рациональную, а образно-метафорическую логику художественного текста. Эти и многие другие вопросы становятся основой дискуссий для исследователей, собирающихся на различных конференциях, обсуждались данные проблемы и на IV Международном конгрессе переводчиков художественной литературы «Литературный перевод как средство культурной дипломатии», проходившем в сентябре 2016 г. в Москве.

1.2. Взгляды русских поэтов на проблему поэтического перевода

В русской литературе о сложности поэтического перевода стали задумываться и посвящать этому вопросу серьезные работы уже в начале XIX век. Так, В. А. Жуковский, большая часть наследия которого – переводы или вольные переложения зарубежных авторов, признавался: „Пе-

реводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник” (Zhukovsky 1960: 410). В своей работе „О басне и баснях Крылова” он задался вопросом, каковы принципы перевода поэзии с одного языка а другой. И выдвинул предположение, что есть переводчики – подражатели, то есть буквально воспроизводящие текст иноязычного автора на своем языке, подобные тексты оставляют читателя равнодушным. И только оригинальный поэт „воспламеняется идеалом, который находит у себя в воображении” и создает такие переводы, которые волнуют, будоражат читателя” (Zhukovsky 1960: 410). Соответственно для Жуковского в переводе важнее всего оказывается не точность выражений, а схожесть эмоционально-образного ряда, мощь воображения и близость идей.

Интересно, что спустя более ста лет практически той же позиции будет придерживаться и Б. Л. Пастернак, утверждавший: „Наравне с оригинальными писателями переводчик должен избегать словаря, не свойственного ему в обиходе, и литературного притворства, заключающегося в стилизации. Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности” (Pasternak 1990: 176). Поэт вслед за Жуковским выражает убеждение, что главное в переводе не буквальное следование тексту оригинала: „Такие переводы не оправдывают обещания. Их бледные пересказы не дают понятия о главной стороне предмета, который они берутся отражать, – о его силе” (Pasternak 2001), а умение ухватить в переводимом стихотворении нечто, что заденет тебя за живое, всколыхнет в тебе чувство, и ты, уловив это, сумеешь отразить в новом создаваемом тексте.

Иная установка относительно поэтического перевода формулируется П. А. Вяземским, в корне не согласным с позицией Жуковского, при том, что творчество этого автора вызывало у Вяземского восторг и заставляло воспринимать его как одного из ярких представителей ему современной литературы. В своей статье „Адольф. Роман Бенжамен-Констана. От переводчика” Вяземский заявляет: „Есть два способа переводить: один независимый, другой подчиненный. Следуя первому, переводчик, напившись смыслом и духом подлинника, переливает их в свои формы; следуя другому, он старается сохранить и самые формы, разумеется, соображаясь со стихами языка, который у него под рукою. Первый способ превосходнее, второй невыгоднее; из двух я избрал последний. <...> Отступления от выражений автора, часто от самой симметрии слов казались мне противоестественным изменением мысли его” (Vyazemskij 1886: 10-11). Вяземский придерживается принципа буквального следования за текстом оригинала – на уровне языка, синтаксиса, образов, композиции.

Уже с первой половины XIX века в России начинают активно формироваться две основные тенденции по созданию поэтического перевода. Первая связана с установкой поэтов-переводчиков передать „букву” переводимого текста, создать текст максимально точный стилистике, смыслу, лексическому своеобразиею исходного произведения. Вслед за П. А. Вяземским этой линией в своем творчестве будут придерживаться

Н. И. Гнедич, А. А. Фет, В. Я. Брюсов, М. Л. Лозинский. Второй подход к поэтическому переводу определяется желанием передать „дух” оригинального исходного произведения и связан с проявлением достаточной свободы в работе с ним. Эта позиция близка не только В. А. Жуковскому, но и А. С. Пушкину, М. Л. Михайлову, Ф. И. Тютчеву, В. И. Иванову, А. А. Блоку и др.

Но такое распределение авторов по группам должно восприниматься как определенная условность, так как многие из этих поэтов демонстрировали и не раз противоречивое отношение к связи чужого и своего слова, осознавая сложность переводческого труда. Так, В. Я. Брюсов, переведший на язык русской поэзии за свою творческую жизнь множество стихотворений латинских, французских, английских, армянских, еврейских, порой с грустью осознавал, что работа его скорее всего бесплодна, ибо „передать создание поэта с одного языка на другой — невозможно; но невозможно и отказаться от этой мечты” (Bryusov 1955: 185).

Были и другие поэты, которые, например, подобно поэтам-искровцам хотели привнести в иноязычный текст в процессе его перевода на русский язык социальные реалии современной им России, или подобно Пастернаку, казалось бы, принимающего формулу Жуковского относительно взаимодействия поэта и переводчика, хотели, чтобы в переводе читатель увидел и почувствовал что-то ему близкое на уровне национальной ментальности, потому стремились вписать переводимое произведение в контекст отечественной словесности.

2. Круґ русско-сербских и сербско-русских поётов и их переводчиков

Диалог между русской и сербской литературой имеет давние традиции и обусловлен близостью наших народов, общностью некоторых духовных констант, определяющих некоторую схожесть национальных картин мира.

В современном российском культурном пространстве все заметней растет интерес к сербской культуре, особенно к поэзии. Подтверждение тому – издание нескольких сборников с произведениями сербских поэтов в XXI в. (Антология 2004–2008; Сербские поэты 2011).

Если говорить об истории русско-сербского и сербско-русского перевода, то она насчитывает уже более двухсот лет. В Сербии за это время сформировалась не одна плеяда блестящих переводчиков, открывших для своего читателя мир русской поэзии, показавших всю его сложность, красоту и уникальность, познакомивших с произведениями авторов, которых можно считать знаковыми фигурами русской культуры. Назовем тех русских поэтов, чьи произведения для сербского читателя оказались особенно интересны, и переводчиков, благодаря творчеству которых эти авторы стали столь популярны в Сербии: А. С. Пушкин (Й. Йованович-Змай, В. Илич, М. Якшич, Й. Дучич, М. Данойлич, З. Костиц, М. Павич, Л. Симович), М. Ю. Лермонтов (Й. Йованович-Змай, В. Илич,

М. Якшич, Й. Дучич, З. Костич, М. Сибинович), *К. Н. Баттюшков* (Л. Симович), *П. А. Вяземский* (Л. Симович), *И. А. Крылов* (М. Якшич), *Ф. И. Тютчев* (Й. Дучич, Л. Симович, И. Яничевич, Л. Захаров), *А. А. Фет* (Л. Симович, И. Яничевич, Л. Захаров), *В. Я. Брюсов* (Б. Милькович, М. Табакович), *А. Белый* (Б. Милькович), *А. А. Блок* (Б. Милькович), *В. В. Маяковский* (Б. Милькович), *С. А. Есенин* (Н. Бертолино, М. Живанчевич, Д. Киш, С. Маркович, В. Николич, М. Топич), *М. И. Цветаева* (Д. Максимович, Д. Киш), *О. Э. Мандельштам* (Б. Милькович, Д. Киш), *А. А. Ахматова* (Д. Максимович, С. Раичкович, Д. Киш), *М. Алигер* (Д. Максимович), *Б. Л. Пастернак* (М. Данойлич, Б. Милькович, С. Маркович), *Н. А. Заболоцкий* (М. Данойлич), *Л. Н. Мартынов* (Б. Милькович), *А. А. Вознесенский* (М. Бечкович, Б. Петрович), *И. А. Бродский* (М. Данойлич)...

Не менее впечатлителен список имен сербских поэтов, открытых для российской публики нашими переводчиками. Вот лишь несколько авторов из этого ряда, самых известных не только в Сербии, но и в России, данных в соотношении с теми, кто перевел их на русский язык: *Б. Радичевич* (А. А. Ахматова, А. Б. Базилевский, М. А. Базалевский, И. Бикинеева, Е. М. Винокуров, Ж. Б. Перковская, Б. Н. Роман, В. В. Чарский), *Й. Йованович-Змай* (З. Н. Александрова, А. А. Ахматова, А. Б. Базилевский, М. Ивенсен, Е. Курелла, С. Я. Маршак, А. Сурков, И. Френкель, Л. Яхнин), *А. Шанйич* (П. Семенин, В. Звягинцева, В. Потапова), *Д. Максимович* (А. А. Ахматова, Б. А. Ахмадулина, М. И. Алигер, А. Б. Базилевский, И. А. Бродский, В. Ваксмахер, В. В. Виноградов, Е. Е. Гродская, Н. В. Горская, В. М. Инбер, В. Конов, Н. М. Кореневская, А. П. Ладинский, Ю. М. Лощиц, Л. Н. Мартынов, М. Павлова, М. Петровых, Д. С. Самойлов, Б. А. Слуцкий, Н. В. Стефанович, В. М. Тушнова, А. Шаропова, С. И. Щеглов), *С. Маркович* (А. Б. Базилевский, М. И. Вирта, А. А. Парпара, Ж. В. Перковская, В. В. Чарский), *О. Давичо* (Ю. П. Мориц, М. Павлова, Ю. Д. Левитанский), *В. Попа* (М. И. Алигер, А. Б. Базилевский, В. П. Бурич, М. Л. Карасёва, Н. А. Кореневская, М. П. Кудинов), *С. Раичкович* (А. Б. Базилевский, А. С. Кушнер, В. И. Кочетков, Г. М. Кружков, М. Петровых, Ю. Д. Левитанский, Ю. Б. Покровская, А. М. Ревич, И. М. Числов, О. Чухонцева), *В. Милошевич* (А. Б. Базилевский, Ю. Д. Левитанский), *Д. Киш* (В. Бацунов, А. Б. Базилевский, А. Романенко, Л. С. Семенов), *М. Алечкович* (А. Б. Базилевский, Н. В. Горская, А. Глуховский, Т. Жирмунская, Р. Ф. Казакова, М. Л. Карасёва, В. Корчагин, В. Г. Куприянов, Ю. П. Мориц, Б. А. Слуцкий, В. В. Чарский), *Й. Дучич* (А. Б. Базилевский, В. И. Кочетков, Ю. Б. Покровская, В. А. Потапова, Е. Л. Таубер, И. В. Чивилихин, С. И. Штейн), *Л. Симович* (А. Б. Базилевский, С. С. Куняев, В. В. Осипов, Ж. В. Перковская, Е. В. Полянская, В. Д. Цыбин, В. В. Чарский, И. М. Числов), *Б. Петрович* (А. Б. Базилевский, Т. Ю. Врубель, Г. С. Куренев, А. В. Осмоловский, А. О. Семёнова, Й. Я. Станишич, В. В. Чарский), *М. Данойлич* (А. Б. Базилевский, Е. М. Волкова, А. В. Осмоловский) и др.

Если проанализировать этот далеко неполный список имен поэтов и их переводчиков и обратиться к самим переводам, то обнаруживается очевидная закономерность – самые яркие, тонкие переводы созда-

вались прежде всего не профессиональными переводчиками, а именно поэтами. Важно и то, что этот внушительный, но далеко не полный список авторов и переводчиков с российской и сербской стороны говорит о мощном тяготении двух народов к друг другу, о желании вести диалог межличностный и межнациональный, о наличии между нашими культурами некой незримой связи, которую удастся прочувствовать и передать в дыхании поэзии именно переводчикам. Как видим, в описанном ряду поэтов и переводчиков, связанных с Сербией, место А. А. Ахматовой не самое выдающееся. Но это то, что касается количественного показателя, в качественном же отношении все обстоит несколько иначе. Её сербские переводы были высоко оценены уже современниками, да и сама Ахматова с особым теплом отзывалась именно о своих переводах сербской поэзии.

3. *Отношение А. А. Ахматовой к переводческой деятельности*

Специально к вопросу о переводческой деятельности Ахматовой в настоящий момент обращались немногие исследователи, в их числе Г. П. Козубовская, Е. В. Малышева (Kozubovskaya, Malysheva 1998), Ф. Т. Найфонова (Naifonova 2014), хотя многие в своих работах по творчеству этого поэта отмечают, что в наследии данного автора переводам отведено значительное место.

Исследователи творчества А. А. Ахматовой отмечают, что в ее до-революционной поэзии, кроме перевода стихотворения Р. М. Рильке „Einsamkeit” (в переводе „О святое мое одиночество – ты! ”), больше работы с чужим текстом в таком аспекте мы не находим. Основной корпус переведенных поэтических произведений Ахматова создает уже в послевоенное время. Обращение поэта к переводам обусловлено многими факторами, одной из важнейших причин можно считать запрет на публикацию, последовавший после того, как в 1946 году было напечатано Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) „О журналах „Звезда” и „Ленинград””, в котором относительно лирики Ахматовой звучало утверждение-обвинение в том, она представляла чуждую светскому народу безыдейную поэзию (См.: Доклад т. Жданова о журналах „Звезда” и „Ленинград”, Правда, 1946, №225 (10307)). Но запрет касался публикации собственных стихотворений поэта (об этом впоследствии рассказывала сама Ахматова). Соответственно „чужой голос”, чужое слово”, к которому вынужден был обратиться поэт, давали шанс не только заработать на жизнь, но и прорвать „зону молчания”, обрести возможность говорить с читателям, пусть и не от своего лица, а спрятавшись за другим поэтом, выражая ту боль, ту надежду, что жили в сердце, заставляя страдать, но не давая впасть в отчаяние.

Известно, что Ахматова создала поэтические переводы ста пятидесяти авторов, писавших стихи на семидесяти восьми языках. Она не была полиглотом, хотя несколько языков знала хорошо – французский, немецкий, итальянский, а также латинский и английский. Помогали ей

найти первоначальную тропу к тексту подстрочники, что делали для нее переводчики. Она не стыдилась этого, более того убеждена была в том, что любому, кто работает в поэзии без этого средства не обойтись: „Мы все переводим с подстрочника. Тот, кто знает язык оригинала, на какой-то стадии все равно видит перед собой подстрочник” (Ахматова без глянца 2007). Но эта словесная подсказка скорее создавала абрис стиха, чем раскрывала его смысл, она намекала, но не обнажала тайну того, о чем размышлял создатель поэтического текста. Очень выразительно этот инструмент поэтического перевода охарактеризовал другой поэт-переводчик, представляющий культуру советской России середины XX века Н. А. Заболоцкий: „Подстрочник подобен развалинам Колизея. Истинный облик постройки может воспроизвести только тот, кто знаком с историей Рима, его бытом, его обычаями, его искусством, развитием его архитектуры. Случайный зритель на это не способен” (Zabolotsky 1956: 197). Ахматова, набираясь опыта у М. Л. Лозинского, Б. Л. Пастернака, которые давали ей, если так можно выразиться, первые уроки работы с чужим текстом: учили её сначала видеть целое, а затем уже из деталей создавать полотно своего перевода, нашла свой собственный подход к процессу переводу. Иногда ей не хватало того материала, что был представлен в дословном переводе, и тогда она просила прочесть на языке оригинала стихотворение, взятое ею в работу, чтобы почувствовать его вибрацию, услышать музыку, лучше понять ту сокровенную эмоцию, что хотел в своем произведении отразить автор.

Удивительно сложно отношение Ахматовой к переводам, как чужим, так, в первую очередь, собственным. Ахматова признавалась, что переводческая деятельность серьезна, сложна и благородна. Но при этом осознавала губительную мощь переводов, ибо, становясь профессиональным переводчиком, человек начинает писать чужие стихи, думать, как другой, и может, как Лозинский, увлекшись переводами, окончательно оставить собственное поэтическое творчество.

4. Ахматова и сербская поэзия

Следует сказать, что, несмотря на огромное количество переведенных поэтических текстов (исследователи насчитали более 20000 строк, написанного Ахматовой – переводчицей) разных авторов с разных языков, по-особенному Ахматова ценила свои переводы именно сербской поэзии.

Ряд современников А. Ахматовой утверждают, что, несмотря на нелегкое материальное положение поэта, она, имеющая на определенном этапе жизни в качестве единственного дохода переводческую деятельность, делилась работой с теми, кто в ней нуждался еще более, чем она. Подписывая чужие переводы своим именем, она позволяла коллегам по цеху заработать чуть больше. Потому, по мнению многих современников поэта, в частности, об этом говорит А. Г. Найман, её литературный секретарь, Ахматова-переводчик, „когда речь идет о поэтических пере-

водах, – это коллективный псевдоним шести, возможно, семи переводчиков, одним из которых была сама Анна Ахматова” (Анна Ахматова).

И как выясняется, не все сербские переводы, которые традиционно связывают с именем Ахматовой, принадлежат ей. Так, в своих воспоминаниях о совместной деятельности с Ахматовой Н. И Харджиев (Khardzhiyev 1992), заявляет, что из пяти текстов, вошедших в качестве переводов Ахматовой сербского эпоса, два выполнены им – это „Пир у князя Лазаря”, „Смерть матери Юговичей”. Относительно других произведений Ахматовой, связанных с сербскими переводами, никто из работающих с нею ни при ее жизни, ни после её смерти не высказал сомнений в авторстве.

Из всего многообразия сербской поэзии для себя Ахматова выделила лишь 4 образа-магнита, что притягивали её внимание: это сербский эпос (она переводит 3 поэмы – „Хасанаганица”, „Молодая Милошенка и мать Юговичей”, „Омер и Мейрима”), 3 трагических произведения сербского романтика Бранко Радичевича („Бедная возлюбленная”, „Перед смертью”, „Гойко”), циклы „Розы” и „Увядающие розы” Йована Йовановича – Змайя, посвященные безвременно ушедшей из жизни жене, и произведения Десанки Максимович (широко известны 7 ахматовских переводов данного автора – „Снится мне”, „Страх”, „Зимним днём”, „Счастье”, „Вечер”, „Усталость”, „Вещь”).

Из трех текстов из сербского эпоса, переведенных Ахматовой, самое сильно впечатление производит поэма „Хасанаганица”. Сербский эпос впервые был собран и представлен широкому читателю в сборнике, опубликованном в 1814 году. Эта работа была проделана известным сербским фольклористом Вуком С. Караджичем (в последующее собиранию и публикации сербских песен он посвятит жизнь), и сборник стал известен не только в стране автора, но и за ее пределами. Так, в России, начиная с 1820 года, стали появляться критические заметки или поэтические переложения этого произведения. Среди первых, кто попытался для русского читателя открыть мир сербского эпоса, был А. Х. Востоков (как теоретик) и А. С. Пушкин (как лирик). В последующем среди переводчиков сербского эпоса оказались и такие поэты, как Н. В. Берг, П. В. Киреевский, Н. Ф. Щербина, А. Н. Майков, Н. М. Гальковский, М. А. Зенкевич, А. Ахматова, Д. Самойлов, Н. А. Заболоцкий, Б. А. Слуцкий, М. В. Исаковский...

Но в данном ряду знаковыми остаются три фигуры – А. С. Пушкин, Н. А. Заболоцкий, А. А. Ахматова. Первый – автор вольного переложения, в котором исходный текст становится скорее стимулом к созданию чего-то принципиально нового в творчестве. В „Песнях западных славян” Пушкина, написанных по мотивам сербского эпоса, соединяется романтическая стихия, фольклорное начало, индивидуально-авторское сопрягается с сознанием иного человека, иной культуры. Пушкина захватывают сюжеты о гордых, сильных людях, поставленных в трагические обстоятельства, когда они вынуждены принять только одно из двух решений – убить или быть убитым, сдаться или биться до послед-

него. Отталкиваясь от увлекшего его первоисточника, Пушкин создает парадоксальное произведение – он рассказывает о свободных духом людях, которые живут и действуют в мире тотальной, абсолютной несвободы и предопределенности.

Н. А. Заболоцкий создает самый объемный по количеству переведенных строк русскоязычный вариант сербского эпоса. Но значимость труда этого автора не только в этом. Вслед за Пушкиным он увлекается созданием особых сербских характеров, мощных, неукротимых, сражающихся за свободу своей страны. В отличие от Пушкина, Заболоцкий в своем переводе стремится не к выражению своего авторского „Я”, затмевающего оригинальный текст, он ставит перед собой задачу передать и дух, и очарование, и стилистику, и звучание сербского текста. Образ королевича Марко оказывается центральным героем в переведенном Заболоцким цикле, по своей яркости, масштабности он сопоставим и с фольклорными героями русского эпоса (например, Ильей Муромцем), и с героем „Песни о Нибелунгах” Зигфридом. Можно утверждать, что Заболоцкому удалось передать эпический размах переведенного произведения сербского эпоса.

Однако, оказавшись в такой компании, поэма Ахматовой „Хасан-гиница” не только не потерялась, но заняла достойное место и в творчестве самого поэта, и в сфере переводной литературы, и в контексте отечественной словесности.

Уже сам выбор этого произведения из мира сербского эпоса дает возможность увидеть, чем сознательно или подсознательно руководствуется поэт, останавливая свое внимание на том, или ином иноязычном тексте. Ахматова ориентируется на те мотивы, образы, которые оказываются в той или иной форме созвучны ее видению мира, которые позволяют ей, опираясь на образный ряд и логику другого автора, высказать какие-то волнующие её саму мысли. Биографический метод, пусть иногда в подтексте, но все же обнаруживается при анализе многих переводов Ахматовой, выполненных по велению сердца (а сербские переводы именно таковые), а не под давлением исключительно внешних обстоятельств.

В отличие от Пушкина и Заболоцкого, Ахматова, обращаясь к сербскому эпосу, выбирает сюжет, где главным художественным образом оказывается женщина, а основой повествования – ее трагическая судьба. В переводной поэме Ахматовой получают переосмысление известная в мусульманской среде, живущей правилами шариата, традиция, по которым муж в любой момент, когда ему вздумается, без проволочек волен развестись с женой, если посчитает, что она не соответствует его требованиям, а значит он может выгнать её из дома, лишить права общения с детьми, отправив обратно к родителям.

При этом ни её судьба, ни чувства детей в расчет не берутся.

Для Ахматовой, как нам представляется, эта история оказалась странно притягательной, так как в ней причиной цепи драматических

событий становятся недомолвки, рождающие недопонимание, предопределяющее в конечном итоге трагическую развязку.

Недомолвки, неверное, обидное слово, становящееся причиной расставания, трагичное восприятие жизни, душевные муки, что испытывает женщина, ощущающая, как почва уходит из-под ног, когда она осознает, что любимые ею человек её оставляет – все это мотивы любовной поэзии Ахматовой. Героиня ранней лирики Ахматовой, тяжело переживающая расставание с любимым, испытывает состояние, как ей казалось, похожее на умирание, угасание её души и тела. „Уйдешь, я умру“, – бросает героиня Ахматовой своему любимому, когда осознает, что он уходит ... и навсегда. Но не умерла, нашла в себе силы жить дальше. Обратившись к сербской истории, Ахматова показывает, что сердце женщины может как-то смириться с разрывом, произошедшим между нею и мужем, но принять факт разрыва отношений с детьми она не в состоянии. Ахматова скуп, как диктует ей фольклорный текст, передает отчаяние женщины, то, что понятно любому человеку, но не очевидно близким людям героини.

Обратившись к переводу „Хасанагиница“, Ахматова создала не менее величественный характер, чем те, что показывали своим читателям Пушкин и Заболоцкий. Обращаясь к иной культуре, иным обрядам, поэт изобразил такой женский образ, который не может оставить равнодушным никого.

Но, пожалуй, самым значимым в творчестве Ахматовой стал её опыт перевода стихотворений Д. Максимович. Между этими женщинами – и в их судьбах, и в их взглядах на жизни, и восприятии их окружающими – есть нечто неуловимо и одновременно очевидно созвучное. Обе – великие личности и для своего народа, и для культуры в целом. Наверное, неслучайно, что обе были номинированы на Нобелевскую премию, к сожалению, награда обеих обошла. Но величие их как личностей бесспорно.

В переводах произведений Д. Максимович Ахматова в большей степени, чем в иных переводах, проявляет свой особый подход: она стремится уловить самое важное – интонацию, настроение, мысль, а затем, всматриваясь и вслушиваясь в оригинальный текст, создает свое произведение, в котором мы как будто слышим голос автора, с которым Ахматова, кажется, вступает в диалог.

Ахматова в своей переводческой деятельности не следует установкам ни первой (настаивающей на буквальном переводе), ни второй (заявляющей о праве переводчика на свободу в работе с текстом) групп переводчиков. С одной стороны, самое важное, к чему устремляется сознание поэта – передать музыку стиха, его эмоцию, то особое состояние, что рождает соприкосновение с данным произведением, но при этом для Ахматовой важно точно воссоздать образ, описанный автором, не слухавить, не увести в сферу близкую ей, но не автору оригинального произведения. Поэт переводит мысли, но не слова, воссоздает на своем языке яркие образы переводимого стихотворения, но не ставит

перед собой цель точно воспроизвести в своем тексте художественные детали, поэт находит в своей душе что-то заветное, что соотносится с содержанием переводимого произведения (Abramzon, Rudakova, Zaitseva, Koz'ko, Tulina 2016). И рождается текст, в котором слышны голоса и поэта, и его переводчика, причем голоса не конфликтующие, а будто друг в друге растворяющиеся.

И доказательством может стать сравнение двух удивительных текстов – стихотворение „SREĆA” и его перевод „Счастье”

SREĆA

Ne merim više vreme na sate,
ni po sunčevom vrelom hodu;
dan mi je kad njegove se oči vrate,
i noć kad ponovo od mene odu.

Ne merim sreću smehom, ni time
da li je čežnja moja od njegove jača;
sreća je meni kad bolno ćutim s njime,
i kad nam srca biju ritmom plača.

Nije mi žao što će života vode
odneti i kaplju moga življenja;
sad neka mladost i sve neka ode;
on je stao kraj mene pun divljenja.

Счастье

Я время по часам не отмечаю,
по ходу солнца не считаю срока,
заря встает - когда его встречаю
и снова ночь, когда он вновь далеко.

И смех не мера счастья. Не хочу я
знать, чье сильнее и тягостней томленье.
Есть счастье в грусти: вместе с ним молчу я,
и слышно двух сердец одно биенье.

И мне не жаль ветвей моих весенних,
что будут смыты жизни водопадом.
Пусть молодость уходит легкой тенью:
он, зачарованный, со мною рядом!

В своих переводах Ахматова соединила две культуры, показав близость ценностей, эмоциональных переживаний. Ахматова как переводчик способна раствориться в пространстве сербского фольклора и

передать образность, музыку народных эпических песен, а может почувствовать мир как герой-романтик и предложить мужской взгляд на отношения мужчины и женщины, переводя тексты Б. Раичевич и Й. Йовановича-Змайя, но тоньше, пронзительно и точнее удастся Ахматовой передать лиричность Д. Максимович.

Литература

- Анна Ахматова. <<http://www.vekperevoda.com/1887/akhmat.htm>>.12.12.2016.
- АнШологя сербской поэзии 2004–2008: АнШологя сербской поэзии*, В 3 томах, Пер. с сербского. Составление А. Базилевского. М.: Вахазар, РИПОЛ классик.
- Ахматова без глянца 2007: Ахматова без глянца, Сборник, Сост., вступ. ст. П. Фокина. Санкт-Петербург: Амфора. <<http://www.rulit.me/books/ahmatova-bez-glyanca-read-354088-1.html>>. 10.12.2016.
- Голоса поэтов 1998: Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анн Ахматовой*. Москва: Прогресс.
- Записные книжки 1996: *Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966)*. Москва – Torino: Giulio Einaudi editore s.p.a., Российский государственный архив литературы и искусства на русском языке.
- Сербские поэты 2011: *Сербские поэты XX века* Комментированная антология / Перевод с сербского; Ред.-сост. А. Б. Базилевский; Предисл. и очерки А. Б. Базилевского, М. Л. Карасёвой. М.: Этерна; Вахазар.
- Abramzon , Rudakova, Zaitseva, Koz'ko, Tulina 2016: Abramzon T.E., Rudakova S.V., Zaitseva T.B., Koz'ko N.A., Tulina E.V., The consistency of lyric artistic thinking, *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, T. 11, № 17, 10185-10196.
- Bazilevsky 2015: А. Б. Базилевский, Сербско-русский круг: поэт переводит поэта, *Словору: БалШийский акцентШ*, 1, 51-65.
- Bryusov 1955: В. Брюсов, *Избранные сочинения в 2 Ш.*, т. 2, Москва: Гослитиздат, 1955, с. 188.
- Desanka Maksimović: Sreća. <<http://kutaknet.com/index.php/kutak-za-dusu/desanka-maksimovic-sreca>>. 22.12.2016.
- Khardzhiyev 1992: Н. И. Харджиев: О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой, в: *Тайны ремесла. Ахматовские чШения*, Выпуск 2. Москва: Наследие, 230-232.
- Kozubovskaya, Malysheva 1998: Г. П. Козубовская, Е. В. Малышева, „Восточные переводы” А. Ахматовой, *КульШура и ШекстШ*, № 3, 62-77.
- Nayfonova 2014: Ф. Т. Найфонова, Анна Ахматова – переводы из осетинской поэзии, *Известия СОИГСИ*, 11 (50), 67-74.
- Pasternak 1990: *Борис ПастШернак, Об искусШве*, Москва, Искусство, 1990.
- Vyazemskij 1886: П.А. Вяземский *Полное собрание сочинений кн. П. А. ВяземскоШ*, т. X, Санкт – Петербург: Изд-ие графа С. Д. Шереметева, 1886.
- Zabolotsky 1956: Н. А. Заболоцкий, *ЗаметШки переводчика*, Молодая гвардия, № 3, 197-198.

Zhukovsky 1960: В. А. Жуковский, *Собрание сочинений* в 4 т., т. 4, Москва: Художественная литература.

**Tatyana Ye. Abramzon,
Svetlana V. Rudakova**

THE PROBLEM OF POETIC TRANSLATION (AKHMATOVA AND SERBIAN POETS)

Summary

The article examines the problem of literary translation considered as a means of inter-cultural dialogue, capable of bringing together different peoples, and compares the views of poets and scientists (primarily from the nineteenth and twentieth centuries) who dealt with translation of poetic texts. In juxtaposing the two groups of researchers, we recognize that, on the one hand, they recognize the possibility of poetic translation and, on the other, they do not believe in it. The article analyses the difference between the approaches to translation and identifies the main principles that poets-translators follow. The question of Russo-Serbian and Serbo-Russian poetic translations is considered, while emphasizing the growing Russian interest in the work of Serbian poets.

Identifying the place of A. A. Akhmatova in this tradition of poetic translation, the paper examines her fairly ambiguous relation to her activities as a translator. The poetics of Akhmatova's translation of the Serbian ballad "Hasanaginica" is studied, revealing the similarities and differences of Akhmatova's text to the translations of A. S. Pushkin and N. A. Zabolotskiy. The peculiarities of Akhmatova's translations of Desanka Maksimović's poems are considered. In view of Akhmatova's special fondness of her artistic images and intonations, Desanka Maksimović was often referred to as the Serbian Akhmatova.

Keywords: translation of poetic texts, Akhmatova, Serbia, "Hasanaginica", Desanka Maksimović, the poetics of translation

*Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 26. августа 2017. године*